

В російськомовному суспільстві (3,9%) аломорфні риси ФО з лексемою *ухо*: обмін: **рос.:** *ухо на ухо менять*; не отримати щось бажане: **рос.:** *не видать как своих ушей*.

Аналіз лінгвокультурних особливостей ФО з соматичним компонентом на базі англійської, німецької, російської та української мов показав, що ФО виявляють ізоморфні та різні аломорфні риси. Таким чином, ФО з компонентом *ear/Ohr/вуха/уха* мають такі значення: увага; грати музику на слух; широка усмішка; гарні новини; неухважність; набридливий розмови; грубе звучання; сором; проблеми зі слухом; покарання; інформація, яка стала відомою; неочікувана новина; наслідки перевтоми; передача таємниці, щоб ніхто не почув; маркована ознака.

Так, для англійської та німецької мов властивий нейтральний вектор оцінки ізоморфного значення: вік людини.

В німецькій та українській мовах ізоморфні значення ФО з компонентом *Ohr/вуха*: бажання про здійснення мрій; спритність розуму; відчай.

Спільні позитивні значення в українській та російській мовах: допомога всіма силами; любов, захоплення чимось; негативні значення: вісунікля музичного слуху; відсутність чогось; інтелектуальна обмеженість; надмірна довірливість; щось неприємне, яке викликає сором чи огиду; поїдання жадно їжі; не звертати уваги.

Аломорфні позитивні риси ФО з компонентом *ear* в англійській мові: виконання складної роботи дуже легко та швидко; зовнішність красивої людини; приємна популярна музика; різке зауваження; алкогольна інтоксикація; сон.

Позитивні аломорфні значення ФО з соматизмом в німецькій мові: знайти співчуття; прислухатися до голосу мас; тримати себе в руках; відмова; прохання отримати аудієнцію.

В українській мові ФО з компонентом *вуха* мають такі позитивні аломорфні значення: намагання комусь протидіяти; покірна, лагідна людина; вияв сміливості, кмітливості; готовність до несподіванок; інформування кого-небудь про щось невідоме; негативні: дуже худа людина; бажання курити; щось нерозумне, несерйозне або зовсім безглузде; непередбачувані неприємності.

В російськомовному суспільстві аломорфні риси ФО з лексемою *ухо*: негативна: не отримати щось бажане; обмін.

Подальші перспективи дослідження пов'язані з аналізом ФО з іншими соматичними компонентами на матеріалі західно-германських і східнослов'янських мов.

Література:

1. Абрамова А. Г. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в разноструктурных языках: на материале русского и чувашского языков: автореф. дис... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. Г. Абрамова; Чувашский государственный ун-т. – Чебоксары, 2005. – 19 с.
2. Богус З. А. Соматизмы в разноструктурных языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: на материале русского, адыгейского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / З. А. Богус; Адыгейский государственный ун-т. – Майкоп, 2006. – 20 с.
3. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 234 с.
4. Гак В. Г. О контрастной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастная лингвистика: Переводы / Сост. В. П. Нерознак; Общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – 440 с.
5. Городецкая И. Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.2 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И. Е. Городецкая; Пятигорский государственный лингвистический ун-т. – Пятигорск, 2007. – 18 с.
6. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 349 с.
1. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Институт языкознания РАН, 1992. – 330 с.
8. Кісь Р. Я. Глобальне – національне – локальне (соціальна антропологія культурного простору) / Р. Я. Кісь. – /Ін-т народознавства НАН України. – Львів: Літопис, 2005. – 300 с.
9. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 2. – С. 60–65.
10. Кононенко В. И. Язык и народная культура / В. И. Кононенко. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – 75 с.
11. Красных В. В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: Курс лекцій / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
12. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М., 1997. – 207 с.
13. Телия В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия. // XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». – М.; Обнинск, 1995. – 284 с.

Список лексикографічних джерел:

1. Гаврис В. І. Німецько-український фразеологічний словник / В. І. Гаврис, О. П. Пророченко. – К.: Радянська школа, 1981. Т. 1,2. – 416 + 382 с.
2. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
3. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – Москва: АСТ, 2008. – 880 с.
4. Apperson G. L. The Words worth Dictionary of Proverbs / G.L. Apperson. – Wordsworth Reference, 1993. – 721 p.

УДК 811. 161. 1'373.23

А. В. Ходоренко,

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск

К ВОПРОСУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ НАРРАТИВА

У статті в загальних рисах порушені проблеми сучасної теорії нарративних досліджень, запропонований матеріал для практичного аналізу нарративу з позицій і методів нарративних досліджень. Надано особливі риси нарратива, що його відрізняють. Наведено приклади аналізу нарративу на прикладі порівняльної парадигми англомовної нарративної одиниці та російського перекладу.

Ключові слова: *нарратив, нарративні дослідження, теорія нарративу, одиниця нарративного дискурсу, модальність.*

В статье в общих чертах затронуты проблемы современной теории нарративных исследований, предложен материал для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований. Выделены признаки нарратива. Приведены примеры анализа нарратива на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода.

Ключевые слова: нарратив, нарративные исследования, теория нарратива, единица нарративного дискурса, модальность.

The paper outlines the problems affected by the modern theory of narrative studies. We suggested linguistic material for practical analysis of the narrative from the perspective of narrative techniques and research. Traits of narrative have been featured. The analysis of English-language narrative and its equivalent russian translation has been made in the framework of comparative narrative paradigm.

Keywords: narrative, narrative research, the theory of narrative, a unit of narrative discourse modality.

В статье в общем виде ставится проблема определения нарратива, его характеристик в парадигме современной теории нарративных исследований в лингвистическом аспекте освещения. Материалом для практического анализа нарратива с позиций и методов нарративных исследований выбраны риторические тексты политиков, в частности, предвыборная речь Б. Обамы. **Целью статьи** является выделение характеристик нарратива в процессе лингвистического анализа нарратива на примере сравнительной парадигмы англоязычной нарративной единицы и русского перевода фактического материала исследования. Задачами для достижения поставленной цели являются уточнение термина и дефиниции нарратива в парадигме современных исследований.

Научный голод современной мысли определяет поиск подходов, а также постоянного поиска смысла того, что мы делаем в науке. Мне пришлось прочитать у Дирка Солиса в его статье «The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View» о необходимости работы во имя будущего блага. Мысль не нова, но особенностью явилось то, что отличает нашу научную школу от западной (до сих пор еще отличается на мой взгляд), простотой изложения и признанием неизбежности недостижения целей, но поиском идей, осознанием их ценности для науки и общества в целом [7].

Возможно этим обоснован «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, концептуально другим взглядом на реальность, видения себя в реальности. Путь познания, предположительно, лежит через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, которое мы определяем как единицу эмоционального интеллекта, а также как единицу фронезиса [1, с. 132].

Нарратив и предшествующие теории нарратива течения формировались в разное время и разными научными школами [1 – 10]. М. Крейсмор в статье «Trusting the Tale: Narrativist Turn in the Human Sciences», утверждает, что «нарратив – это область кросс-дисциплинарных взаимодействий и медиаций, и собирает воедино все, что имеет отношение к нарративу в самых разных науках (филологии, историографии, психоанализе, философии, экономике и т. д.), рассматривает его одновременно как предмет (форму письменного или устного дискурса) и как инструмент познания (например, нарративистское прочтение некоторых философских теорий), описывает сложную конфигурацию нарративного поворота, включающую множество «разнообразных троп» (цит. по [2]). Современные исследователи спорят о схожести нарратива и психоанализа, однако сходятся в том, что общее заключается в повышенном интересе к человеку, его мыслям о себе, его заключений о себе, о правильности поступков и того, что по их мнению правильно или неправильно делать, некоему фронезису Аристотеля, изложенному по-новому.

Метафора «нарративного поворота», «близка к лакатосовской идее конкуренции научно-исследовательских программ, поскольку брендинг нового научного направления в качестве «поворота» обеспечивает ему неплохие шансы в том трансцендентальном поле, в который волей-неволей втянуто институционально оформленное научное мышление» [2].

В. Фишер предложил термин «нарративная парадигма». Он пояснил, что имеет в виду не ту или иную дисциплинарную парадигму, например, социологическую, а как бы «метaparadигму» как пограничную область, в которой встречаются различные гуманитарные науки [3]. Тем самым он нисколько не стремится отрицать «существование или желательность существования частных жанров дискурса... Нарративная парадигма не отрицает полезность осознания различий между макроформами дискурса – философией, риторикой, поэтикой и т. д. – или микроформами дискурса – мифами, метафорами, аргументами и т. д.» [6]. Фишер перевел понятие парадигмы из плоскости методологии науки в плоскость практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих к тому же явные антропологические импликации, в плоскость фронезиса, помогающего, в итоге, принимать правильные решения. Нарративная парадигма, с его точки зрения, основана на т. н. нарративной рациональности, по контрасту с ковенциональной моделью формальной рациональности, которая, как предполагается, должна управлять человеческим общением [6]. Нарративная рациональность, по Фишеру, включает нарративную вероятность (согласованность и связность истории) и нарративную верность (наличие в рассказе good reasons для доверия к нему, то есть «веских причин» или «достаточных оснований»). Эти фишеровские неформально-логические характеристики нарратива можно смело добавлять к многочисленным дискуссиям о критериях нарратива, которые ведут представители классической нарратологии [2].

Эпистемологические основания нарративизма и научная интуиция подталкивает к исследованию той области коммуникативного материала, о которой говорит Фишер, области «практической теории коммуникации (в том числе научной) и коммуникативной этики, содержащих антропологические импликации, плоскость фронезиса, помогающего принимать правильные решения.

В медицине, в социологии или исторической науке личная история (рассказа о самом себе), а также признание смысла нарратива как рассказа о себе – это не только живая история, это не только гуманистический путь к public history, например, это еще и особая этика, опыт выслушивания частного лица, затерянного на безличных исторических просторах, это способ, каким это частное лицо может быть узнано, признано, может, наконец, найти (см. [3]).

Мы взяли единицу нарративного дискурса и сделали его лингвистический анализ с точки зрения использования в нем нарративных элементов, говоря проще – единиц модальности, делающих из нейтрального текста нарратив, отличающих его этим самым.

По нашим предположениям нарратив – это всегда коммуникативно успешное риторическое языковое целое, с наличием рема-тематических отношений, новизной, эмоциональной насыщенностью, наличием единиц А-экспрессии, а также высокими показателями психолингвистических коэффициентов. Такие образования должны демонстрировать ярко-выраженный ЭИ («эмоциональный интеллект») («способность человека осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают и, соответственно управлять ими таким образом» (см. [5]).

Для анализа мы приводим речь Б. Обамы (2004, Democratic National Convention).

My parents shared not only an improbable love; they shared an abiding faith in the possibilities of this nation. They would give me an African name, Barack, or «blessed,» believing that in a tolerant America your name is no barrier to success. They imagined

me going to the best schools in the land, even though they weren't rich, because in a generous America you don't have to be rich to achieve your potential. They are both passed away now. Yet, I know that, on this night, they look down on me with pride.

Мои родители не только невероятно любили друг друга; они твёрдо верили в возможности этой страны. Они дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный», полагая, что в толерантной Америке имя не является препятствием к успеху. Не будучи богатыми они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили в то, что в щедрой Америке не нужно быть богатым, чтобы реализовать себя. Их уже нет в живых, тем не менее, я знаю, что в эту ночь, они смотрят на меня с гордостью.

Приведём выделенные нами четыре признака, характеризующие нарратив.

1. Событийность, выражена глагольными формами простого прошедшего *shared imagined weren't rich*, а также формы *would* с инфинитивом в значении выражения действия в прошлом *would give me an African name*, отметим, что такая форма носит модальность, интенсифицируя значение сказанного, реализуя при этом потенциал претерито-презентного глагола *will-would*, в значении которого входит семантическое дериваты волеизъявления, воли, желания и его реализации.

2. Завершенность, темпоральность (историчность) проявлена в автобиографическом отрезке детских воспоминаний.

3. Хронологическая последовательность истории, причинно-следственная связь событий *Мои родители невероятно любили друг друга; они твёрдо верили в возможности этой страны, ... дали мне африканское имя Барак, или «Благословенный»*. Не будучи богатыми они хотели, чтобы я учился в одной из лучших школ в стране, потому что верили.

4. Реализация функции установления причинно-следственной связи, коммуникативный «мост», «итог» вышеизложенного. *Их уже нет в живых, тем не менее, я знаю, что в эту ночь, они смотрят на меня с гордостью.*

Эпоха массового тиражирования визуальных образов, абсолютной демократизации их производства и потребления, их влияния на самые разные сферы индивидуальной жизни сродни невероятной демократизации нарративов, заполнения повседневного культурного контента, прежде всего медийного, индивидуальными повествованиями, в том числе бесчисленными автонарративами [2]. Нарративный разум, о котором писал Ортега-и-Гассет в работе «История как система» еще в 1955-ом году – как о разуме, наиболее адекватном гуманитарным наукам, поскольку они заняты постижением изменчивого и свободного человеческого существования, в нынешнюю эпоху, в эпоху после распада больших нарративов, превратился в безразмерную и неконтролируемую массу микронарративов, пролиферация которых идет тем быстрее, чем больше появляется для этих целей подручных, технических средств. Термин Жана Бодрийера «экстаз рассказа» функционально определяет компоненты нарратива, а именно «*Naqano, ergo sum, повествую, следовательно есть*», а также нарративную интенсивность, при которой «тебя хотят слушать» [3].

Таким образом, в нарративе в лингвистическом аспекте его анализа выделены рема-тематические отношения, новизна идеи, эмоциональная насыщенность, наличие единиц А-экспрессии, высокие показатели психолингвистических коэффициентов, предположительно демонстрирующие эмоциональный интеллект языковой личности «способность человека осознавать эмоции, генерировать их для содействия мышлению, в языковой нарратив – фронезис. Последний, определенный изначально как суждения, способствующие действию по поводу ценностей и сущностей вещей, некий «экстаз рассказа», современный нарратив в нашей экспликация приобретает характеристики эффективного высказывания, в котором единицы модальности демонстрируют в этом контексте особую важность для поддержания интереса слушающего в процессе познания через «нарративный поворот» в науке, поворот в отношении к действительности, новым взглядом на реальность через видения себя в реальности. Перспективой исследований есть анализ языкового пути познания, через нарратив – хроникальное автобиографическое повествование, единицу эмоционального интеллекта, единицу фронезиса, а также уточнение составляющих термина и дефиниции нарратива.

Литература:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Наука, 1978. – Т. 2. – 524 с.
2. Лехциер В. Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума [Электронный ресурс] / В. Л. Лехциер. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/person/830>.
3. Лехциер В. Л. Экстаз рассказа: о судьбах повествований до и после иконического поворота / В. Л. Лехциер. – Режим доступа: <http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/117/ekstaz-rasskaza-osudbakh-povestvovani-d-i-posle-ikonicheskogo-povorota> 20.
4. Dijk T. A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. van Dijk. – Hague: Springer, 1981. – XII, 331 – P. 43.
5. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ / D. Goleman. – Hague: Springer, 1996. – P. 56.
6. Fisher W. R. The Narrative Paradigm: An elaboration / W. R. Fisher // Communication Monographs. – Hague: Springer, 1985. – P. 347.
7. Solies D. The Crisis of Personhood: Why We Need to Broaden Our View [Electronic resource] / D. Solies. – Access mode: <http://vimeo.com/metanexus>
8. Taine H. Formation de sa pensée / H. Taine. – P., 1932. – 305 p.
9. Verschueren J. Metapragmatics and universals of linguistic action / J. Verschueren // Linguistic action: Some empirical-conceptual studies / Ed. by Verschueren J. – Norwood (N.J.), 1987. – P. 125–140.
10. Way E. C. Knowledge representation and metaphor / E. C. Way. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. – P. 287–313.

УДК 81'276.5: 61=111

В. О. Черненко,

Полтавський національний педагогічний університет імені В. Г. Короленка, м. Полтава

ОСОБЛИВОСТИ ВЖИВАННЯ ПРОФЕСІЙНОГО СЛЕНГУ ТА ЖАРГОНУ В АНГЛОМОВНОМУ МЕДИЧНОМУ ДИСКУРСІ

У статті розглядаються нестандартна лексика у професійному медичному дискурсі. Розмежовуються поняття «професійний медичний сленг» та «професійний медичний жаргон». Встановлено, що основним способом формування професійного просторіччя є метафоризація. У статті аналізуються основні моделі метафоризації та досліджуються її прагматичні функції.

Ключові слова: медичний дискурс, професійні просторіччя, професійний жаргон, професійний сленг, метафоризація, семантична структура слова

В статье рассматривается нестандартная лексика в профессиональном медицинском дискурсе. Разграничиваются понятия «профессиональный медицинский сленг» и «профессиональный медицинский жаргон». Установлено,